

Рис. 1. Основные элементы механизма преступления

Эти элементы создают основу системы взаимодействия между участниками преступного события и окружающей средой. В их число входят преступник, потерпевший и иные прямые и косвенные участники преступного события, предметы посягательства, орудия и средства достижения преступного результата, элементы обстановки преступления и т.д.

Названные составные части механизма преступления находятся в постоянном движении и развитии. Механизм совершенного преступления отражается в следах, образовавшихся на участниках события и объектах (предметах) окружающей среды. С учетом этого сведения об отдельных элементах механизма преступления и информацию, заложенную в последствиях контактов, можно и нужно использовать в процессе раскрытия и расследования конкретного преступления.

В целом их взаимосвязь и взаимообусловленность образуют единую динамичную функ-

циональную систему процессов взаимодействия вышеперечисленных объектов – механизм преступления.

Исходя из вышесказанного предлагается понимать под механизмом преступления систему процессов взаимодействия участников преступления (как прямых, так и косвенных) между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки. Механизм преступления закономерно обуславливает возникновение криминалистически значимой информации о самом преступлении, его участниках и результатах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976. С. 43.

² См.: Криминалистика социалистических стран. М., 1986. С. 333, 334.

³ См.: Клочков В.В., Образцов В.А. Преступление как объект криминалистического познания // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 42. М., 1985. С. 47, 48.

⁴ См.: Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. С. 15.

⁵ См.: Кирсанов З.И. Криминалистические учения о механизме преступления и его отражении: Лекция. М., 1994. С. 4.

⁶ См.: Криминалистика: Краткая энциклопедия. М., 1993; Криминалистика: Учеб. для вузов. М., 1999. С. 41.

⁷ См.: Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. С. 61.

⁸ См.: Вандышев В.В. Реализация взаимосвязей жертвы и преступника в раскрытии и расследовании насильственных преступлений. СПб., 1992. С. 6–17.

⁹ См.: Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. М., 1988. С. 18, 19.

¹⁰ См.: Попов В.И. О теории осмотра места происшествия // Правовые науки и журналистика. Вып. 2. Алма-Ата, 1970. С. 7, 14.

Диагностика в ходе допроса осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы

А.М. ЛЮТЫНСКИЙ – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН, кандидат юридических наук

В специальной литературе выделяют следующие этапы установления психологического контакта с допрашиваемым осужденным:

1. Сбор и анализ информации о личности допрашиваемого, прогнозирование поведения осужденного в ходе допроса.

2. Диагностика следователем психологического и информационного состояния допрашиваемого осужденного в начале встречи.

3. Формирование установки на контактное взаимодействие в начале допроса.

4. Стабилизация и поддержание контактного взаимодействия с допрашиваемым осужденным в течение и по окончании допроса¹.

Сбор информации о личности допрашиваемого осужденного – обязательный элемент подготовительной стадии допроса, имеющий отношение к двум важным аспектам допроса осужденного – прогнозированию его поведения и диагностике психологического и информационного состояния, которые мы рассмотрим в данной статье.

Основу прогностической деятельности образуют три составляющие:

1) данные о личности допрашиваемого осужденного, куда входят данные о его поведении до осуждения, во время нахождения в исправитель-

ном учреждении, личностные особенности (при этом особое внимание следует уделить качествам, которые могут усиливать противодействие следователю: подвижность и оригинальность мышления, агрессивность, эгоизм, смелость, устойчивость к стресс-факторам, склонность к риску²), информация о месте в официальной и неофициальной стратификации осужденных;

2) качество и объем доказательственной информации, находящейся в распоряжении следователя, а также наличие и объем информации, которой может располагать осужденный;

3) модель вероятного поведения допрашиваемого осужденного³.

На основе собранной информации следователь составляет мысленный портрет допрашиваемого, на основе которого избирает пути установления психологического контакта, используя рефлексивный подход, сущность которого состоит в имитации рассуждений противника, и строит рефлексивную модель, включающую как собственное представление, так и представление допрашиваемого о ситуациях, целях и стратегиях⁴.

По мнению В.Е. Богинского, прогнозирование поведения допрашиваемого в целях установления и поддержания психологического контакта происходит не только в ходе подготовительного, но и в ходе рабочего этапа допроса⁵. Но нам представляется более правильным употребление термина «диагностика», под которым можно понимать распознавание сущности какого-либо явления. Другими словами, изучая личность допрашиваемого осужденного, следователь прогнозирует его поведение на допросе, а начиная с момента непосредственного контакта (встречи с допрашиваемым) уже диагностирует его, исходя из непосредственно получаемой информации.

Можно выделить диагностику личностных особенностей допрашиваемого осужденного на основе вербальной и невербальной информации и диагностику информационного состояния допрашиваемого. Хотелось бы остановиться подробнее на первом направлении диагностики.

В научной литературе уже давно предлагается учитывать для диагностики личных свойств допрашиваемого вербальную и невербальную информацию⁶. Как известно, от 60% до 80% информации при коммуникации передается через невербальные источники. Основными источниками невербальной информации о личности допрашиваемого являются выражение глаз и лица допрашиваемого, его поза, особенности речи, внешности, жестикация⁷.

Особенно актуальными для целей допроса осужденного является, на наш взгляд, анализ таких источников, как татуировки, особенности жестикации и речи допрашиваемого, ее интонации, ритм и тембр.

Дело в том, что у следователя далеко не всегда достаточно времени для предварительного сбора информации о личности допрашиваемого осужденного, например, при производстве

неотложного допроса на первоначальном этапе расследования. В этом случае анализ татуировок, речи и жестов допрашиваемого осужденного могут сыграть важную роль. При этом важно помнить, что эффективность наблюдения следователя за допрашиваемым зависит не только от точности фиксации, но и истолкования, которое во многом субъективно⁸.

Анализ татуировок осужденного в первую очередь важен для определения его социального статуса в среде осужденных⁹. Знание следователем языка татуировок осужденных является очень важным условием для правильной диагностики и установления психологического контакта. Источником такого знания может быть личный опыт следователя, информация от опытных сотрудников исправительного учреждения, а также специальная литература¹⁰. Однако при этом следует помнить, что нанесение татуировок осужденными может иметь различные причины: требование социальной микрогруппы осужденных для принятия в свою среду, тщеславие, подражание, украшение, безделье¹¹.

Результат анализа татуировок не должен быть известен допрашиваемому осужденному. Однако в ряде случаев, например при допросе несовершеннолетних осужденных, люди, имеющие татуировки, не скрывают их, напротив, демонстрируют следователю. В этой ситуации татуировки могут послужить поводом для беседы, а проявленная следователем осведомленность о символике и технике татуирования может стать основанием для формирования контактных отношений¹².

Важным источником информации, необходимой для диагностики личности и установления психологического контакта, является речь осужденного.

Как отмечает А.А. Леонтьев, владение языком и развитые речевые навыки позволяют следователю установить с допрашиваемым живой психологический контакт. Для этой цели следователь должен уметь выбирать для собеседников разного пола, возраста, образования, социальной принадлежности различные слова, построение речи, уметь говорить с каждым на его языке¹³.

Преступная среда, как и всякая другая социальная общность, вырабатывает и использует собственный язык – воровской жаргон¹⁴. Следователь обязан уметь понимать «блат» (язык профессиональных уголовников), но не должен, кроме как в исключительных случаях, его употреблять¹⁵.

Прав О.В. Полстовалов, утверждающий, что при необходимости допроса лиц, лексика которых изобилует словами из воровского жаргона, следователю необходимо быть готовым к пониманию высказываний такого допрашиваемого. Использование сленга допрашиваемым может быть обусловлено желанием продемонстрировать свое превосходство либо для маскировки высказываний¹⁶.

По нашему мнению, употреблять жаргон в исключительных случаях нужно очень осторожно,

чтобы не спровоцировать неправильным применением отдельных жаргонных слов конфликтную ситуацию. Понимание следователем отдельных слов лагерно-блатного жаргона может быть необходимо для диагностики личности допрашиваемого, более быстрого понимания отдельных деталей события, но не может и не должно делать следователя «своим» для осужденного.

Следует отметить, что большинство осужденных, имеющих преступный опыт, несколько судимостей и опыт пребывания в ИУ в качестве осужденного, стараются общаться со следователем на обычном языке¹⁷. К лагерно-блатному жаргону в общении со следователем, как правило, прибегают несовершеннолетние осужденные, агрессивны настроенные молодые люди. Применение ими жаргона в официальной беседе (а допрос всегда остается официальной беседой) может говорить об их неуверенности в себе, желании самоутвердиться, агрессивности по отношению к следователю.

Важным источником диагностической информации о личности допрашиваемого осужденного является его мимика и жестикация. Осужденные, находясь в условиях дефицита информации, бессознательно развивают навыки точной жестикации, прочтения чужих жестов.

Точное распознавание жестов и мимики допрашиваемых осужденных обеспечит следователю понимание истинных его намерений и чувств. Для более точной диагностики личности осужденного и корректировки собственного поведения следователь может обратиться к опытному сотруднику исправительного учреждения, где отбывает наказание допрашиваемый осужденный¹⁸. Базой для лучшего понимания языка жестов, помимо этого, должна стать специальная литература¹⁹.

Полагаем, что на основе полученных невербальных сигналов следователь может сделать выводы:

а) о социальном статусе допрашиваемого осужденного, его месте в микросреде конкретного исправительного учреждения;

б) особенностях личности допрашиваемого осужденного (конфликтность, уверенность в себе и т.д.);

в) психофизиологических и эмоциональных реакциях на отдельные, наиболее важные вопросы следователя.

Вся эта информация уже в самом начале допроса поможет следователю в определении возможных приемов установления и поддержания психологического контакта. При этом надо учитывать особенности конкретного исправительного учреждения. Так, 47% опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов, занимающихся расследованием в ИУ, отметили, что плохое знание лицом, проводящим допрос, отношений в среде осужденных конкретного исправительного учреждения и вообще норм поведения в среде осужденных является главной причиной отсутствия психологического контакта с осужденным²⁰.

С диагностикой личностных особенностей допрашиваемого неразрывно связана диагностика его информационного состояния. Отдельные данные об информационном состоянии допрашиваемого осужденного могут быть установлены еще на стадии подготовки к допросу (его поведение по отношению к другим осужденным, воздействие других лиц), но их недостаточно для определения ситуации допроса как конфликтной, поэтому первая тактическая задача следователя при общении с лицом, вызванным на допрос, – выяснение информационного состояния допрашиваемого²¹.

О.Я. Баев рекомендует в начале допроса провести беседу с допрашиваемым на различные темы, целью которой является установление «нормы» обычного поведения, чтобы на основе этого впечатления легче было диагностировать информационное состояние допрашиваемого, получая показания о предмете допроса²². При этом ориентиром должны стать общие признаки лжесвидетельства, которые О.Я. Баев разделяет на несколько отдельных групп:

1) психофизиологические реакции допрашиваемого на отдельные вопросы, отличные от «нормального» состояния. Эти реакции могут выражаться в бледности, покраснении лица, потливости, заикании, неоправданных паузах при ответах, заминках в речи, треморе и т.п.;

2) эмоциональная бедность показаний. Создавая легенду и воспроизводя ее следователю, допрашиваемый зачастую как бы абстрагируется от события, в отношении которого он дает показания. Они звучат схематично; в них отсутствует его эмоциональное отношение к событию, психологически закономерное для лиц, дающих правдивые показания;

3) искусственность формально-логической структуры показаний. Данный симптом выражается в том, что структура показаний лица, скрывающего информацию, выглядит, помимо его воли, нарочитой. Зачастую его показания полностью или в существенной своей части совпадают с показаниями других лиц, с их формально-логической структурой;

4) уход от темы. Допрашиваемый целенаправленно избегает дачи ответов на вопросы следователя, касающиеся определенной темы или отдельных ее обстоятельств, или в стадии свободного рассказа уклоняется от их освещения, «упускает» такие обстоятельства;

5) «вязкость» в теме. Данный симптом противоположен предыдущему. Допрашиваемый не может «уйти» от события и его обстоятельств, вновь и вновь к ним возвращается, хотя задаваемые вопросы уже касаются иного. Показания его зачастую излишне эмоциональны. Тема «обрастает» новыми подробностями, иногда явно неправдоподобными и такими, которые не могут быть известны лицу, дающему правдивые показания²³.

На наш взгляд, это весьма удачная классификация признаков лжесвидетельства, актуальная и для допроса осужденных.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на стадии установления психологического контакта с допрашиваемым осужденным важное значение имеет диагностика его личностных особенностей и информационного состояния. Следователь анализирует вербальную и невербальную информацию, исходящую от осужденного: особенности его речи, жестикуляции, мимики, татуировок. На основе полученных невербальных сигналов следователь может делать выводы о социальном статусе допрашиваемого осужденного, его месте в микросреде конкретного исправительного учреждения; особенностях личности допрашиваемого осужденного и психофизиологических и эмоциональных реакциях на отдельные, наиболее важные вопросы следователя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Зорин Г.А. Психологический контакт при производстве допроса: Учеб. пособие по курсу «Криминалистика». Гродно, 1986. С. 11–12.

² См.: Там же. С. 21.

³ См.: Богинский В.Е. Рефлексивное управление при допросе: Учеб. пособие. Харьков, 1983. С. 18. Сходного мнения придерживается Е.И. Девицкая (см.: Девицкая Е.И. Основы криминалистического учения о следственном наблюдении: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 54).

⁴ См.: Богинский В.Е. Рефлексивное управление при допросе. С. 20; Логвиненко Е.А. Мысленное моделирование в тактике следственных действий: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.

⁵ Зорин Г.А. Психологический контакт при производстве допроса. С. 18.

⁶ См., напр.: Лукашевич В.Г. Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий: Учеб. пособие. Киев, 1989. С. 45; Еникеев М.И., Черных Э.А. Психология допроса: Учеб. пособие. М., 1994. С. 21 и др.

⁷ В.В. Карузина рекомендует обращать внимание на контролируемые и неконтролируемые участником следст-

венного действия внешние поведенческие признаки (см.: Карузина В.В. Тактика использования данных о поведении участников уголовного процесса в ходе следственных действий: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 91–92).

⁸ См.: Девицкая Е.И. Основы криминалистического учения о следственном наблюдении. С. 55.

⁹ См.: Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология: аудиовизуальная диагностика (татуировки, жаргон, жесты): Учеб. пособие: В 2 ч. Домодедово, 1996. Ч. 1. С. 8.

¹⁰ Следует отметить немногочисленность и трудность профессиональных источников по этой теме. См., напр.: Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология. Особенная часть (предметно-методический аспект): Учеб. пособие: В 2 ч. Домодедово, Ч. 2. 1995; Бронников А.Г. Тайные способы связи преступников: Учеб.-метод. пособие. Пермь, 1996.

¹¹ См.: Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология. С. 9.

¹² См.: Зорин Г.А. Психологический контакт при производстве допроса. С. 34–35.

¹³ См.: Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977. С. 40–41.

¹⁴ См.: Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2001. С. 69.

¹⁵ См.: Ратинов А.Р. Судебная психология для следователя. М., 2001. С. 112.

¹⁶ См.: Полстовалов О.В. Совершенствование тактических приемов криминалистики на основе современных достижений психологической науки: Дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000. С. 81.

¹⁷ См.: Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология: аудиовизуальная диагностика (татуировки, жаргон, жесты). С. 8.

¹⁸ См.: Там же. С. 74.

¹⁹ См., напр.: Ильин У.Р., Сухов А.И. Жесты как невербальные средства общения осужденных. Рязань, 1988; Пиз А. Язык жестов. Воронеж, 1992 и др.

²⁰ См. подр.: Лютынский А.М. Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа лиц, осужденных к лишению свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 193–198.

²¹ См.: Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: Науч.-практ. пособие. М., 2003. С. 197.

²² См.: Там же. С. 198.

²³ См.: Там же.

Понятие судебной практики как источника и формы российского права

С.А. СОФРОНОВА – начальник кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Рене Давид, раскрывая сущность подходов к источникам советского права, отмечал, что «если спросить советского юриста, какова роль судебной практики в Советском Союзе, он убежденно ответит, что эта роль значительна. Если же спросить его, является ли судебная практика источником права, то последует незамедлительный и четкий отрицательный ответ»¹.

Официальная концепция советского права считала аксиомой положение о том, что судебная практика не может рассматриваться в качестве источника права, «поскольку это ассоции-

ровалось: а) с разрушением социалистической законности; б) с возможным судебным произволом; в) с подрывом правотворческой деятельности законодательных органов»². Однако, в действительности, по мнению западной юридической науки, судебная практика фактически являлась источником дореволюционного российского и советского права³.

Русский правовед Н.М. Коркунов признавал судебную практику самостоятельным источником права, но при этом отмечал: «Мы должны оговориться, что это не следует понимать так,